Диакон Андрей Юрченко

К ПРОБЛЕМЕ ИДЕНТИФИКАЦИИ "НАПИСАНИЯ О ПРАВОЙ ВЕРЕ"

В истории отечественной и мировой культуры выдающееся место по праву принадлежит Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Никону (1652-1666/. "Примерная ревность его, - гласит похвала В.М.Ундольского, - ознаменована беспримерным памятником: всеми греческими и большею частию славянских рукописей Патриаршего книгохранилища" [1]. Среди последних, радением собственно патриарха Никона изо многих стран собранных, в течение последовавших затем почти двух столетий обретался и один из древнейших б у м а ж н ы х среди известных в Европе ко времени его научного открытия в первой четверти XIX в. выдающимся русским славистом К.Ф.Калайдовичем манускриптов - среднеболгарский сборник 1348 года (ГПБ, F.I.376; 214 лл.), "книга душеполезная", "труд же и болезнь многогрешного (и) смиренного священноинока Лаврентия", переписавшего или составившего его при болгарском царе Иване Александре (1331-1371) (л.214) [2]. Как полагает К.М.Куев, некоторое время после возникно-

---

[1] Ундольский В.М. Отзыв Патриарха Никона об Уложении царя Алексея Михайловича // Богословские труды: Издание Московской Патриархии. - М., 1982. № 23. - С.244.

[2] О так называемом сборнике попа Лаврентия (или - иногда - царя Ивана Александра) см., в частности: Калайдович К.Ф. Иоанн, екзарх Болгарский. - М., 1824. - С.88, прим. 6; Куев К.М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. // ТОДРЛ. - Л., 1969. Т.24. - С.117-121; Куев К.М. Иван Александровият сборник от 1348 г. - София, 1981.

зения памятник находился в царской библиотеке в Тырнове, затем - в связи с возрастанием опасности османского вторжения в страну - он вместе с другими драгоценными книгами был перенесен за Дунай, в валахо-молдавские пределы, а позднее, уже в первой четверти XVII века, оказался на Афоне. Здесь, как это видно из приписки на внутренней стороне его обложки, сборник принадлежал скиту св.Иоанна Милостивого при царской обители св.Павла. "Для Валахии и Молдавии, - замечает исследователь, - монастырь св.Павла одно время был тем же, что Зографский монастырь - для болгар, Хиландарский - для сербов, а Пантелеимоновский - для русских" [3] . Нахождение сборника в скиту может быть объяснено наличием в нем славянского текста жития св.Иоанна Милостивого, патриарха Александрийского (616-620; память 12 ноября по старому стилю). Отсюда, по-видимому, он был перенесен в Москву, как предполагается, троицким старцем Арсением Сухановым в последнее его путешествие на христианский Восток (1654-1655) с целью собирания древних греческих и славянских манускриптов, столь необходимых патриарху Никону в аспекте намечавшегося им книжного исправления. Как свидетельствует вторая приписка на л.214 рукописи, сделанная, по Куеву, именно собирателем, она, побывав, по всей вероятности, в руках самого Первосвятителя, была "163-го взята изъ кѣльи государя патриарха" (то есть в 1655 г. по Р.Х.: 7163 - 5508 = 1655) [4] и, видимо, передана затем в Патриаршую библиотеку, которая позже стала называться Синодальной. Здесь, по свидетельству Е.В.Бар-

---

[3] Куев К.М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. - С.120.

[4] Куев К.М. (там же) несколько иначе представляет последовательность событий, возводя указанную приписку ко времени пребывания старца Арсения Суханова на Афоне.

сова, сборник находился вплоть до 1847 г., когда он был востребован в Одессу архиепископом Херсонским Иннокентием (Борисовым) [5]. Это, по словам К.М.Куева, "видно из одной рукописной заметки в "Указателе для обозрения Московской Патриаршей (ныне Синодальной) библиотеки" архимандрита Саввы (экземпляр ГИМ)" [6]. Вскоре след сборника на некоторое время теряется, хотя на запрос О.М.Бодянского [7] архиепископ Иннокентий в конце 1854 г. ответил, что он возвратил его в Москву [8]. В 1863 г. манускрипт в составе части рукописного собрания И.П.Сахарова был приобретен Публичной библиотекой в Петербурге (Ленинграде), в отделе рукописей которой он и хранится в настоящее время [9].

Наряду, в частности, со сказанием Черноризца Храбра "О письменах" и непосредственно предшествуя ему, в сборник попа Лаврентия входит один из древнейших памятников славянской письменности, получивший научную известность в первой четверти XIX столетия как "Написание о правѣи вѣрѣ. изоученое Константиномъ блаженымь философомъ. оучителемь о Бзѣ словѣнскомоу ѩзыкоу" (ГПБ, F.I.376, л.93 б-101 б). Атрибутируемый авторству самого св.Константина-Кирилла, просветителя славян, памятник вызвал самое пристальное внимание исследователей-славистов и богословов, литературоведов и церковных

---

5 Барсов Е.В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя // ЧОИДР. 1885. Кн.I. Отд.II. С.3.

6 Куев К.М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. - С.120.

7 Барсов Е.В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. - С.3-4.

8 Куев К.М. Судьба сборника Ивана Александра 1348 г. - С.121.

9 Там же.

историков. И в то же время он возбудил продолжавшиеся более полутора веков широкие споры среди ученых по вопросу о его подлинности и долгое время оставался загадкой.

Вполне возможно, что именно это исповедание веры значится в "Оглавлении книг, кто их сложил", составленном до 1691 г. ученым иноком Сильвестром Медведевым, как его называл В.М.Ундольский, "отцом славяно-русской библиографии" [10], под номером 128 (нумерация издания Б.М.Ундольского, в оригинале - № 137) [11]. Автором исповедания веры, начинающегося, как и "Написание", словами: "Во имя Отца и Сына и Святого Духа", здесь называется также Константин Философ. Однако тут же ему приписываются "Евангелие на 50 недель" и "Молитва по алфавиту", которые в действительности принадлежат Константину, епископу Болгарскому (Преславскому). Последнего Сильвестр называет "епископом Константином", "учеником Мефодия Моравского", относит его деятельность к началу X в., ко времени царя Симеона (№ 23), или просто Константином (№ 69). Но он никогда не говорит о Константине Философе как об ученике св.Мефодия, что делает, в частности, В.М.Ундольский [12]. Философом, однако, древний библиограф называет и св.Кирилла (№ 119).

Применительно к случаю отметим несколько иной подход к интерпретации указанного места в "Оглавлении". П.И.Шафарик, например, справедливо констатирует, что иногда сочинения епископа Константина

---

[10] Ундольский В.М. Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии // ЧОИДР. 1846. Кн.3. Отд.IУ. С.Ш и др.

[11] Там же. - С.52.

[12] Ундольский В.М. Сильвестр Медведев, отец славяно-русской библиографии. - С.XX.

Преславского (в частности, "Азбучная молитва") встречаются "с неправильной надписью, будто творение Константина Философа", что мы видим и у Сильвестра, которого чешский славист несомненно принимает во внимание. Однако он считает возможным и "Написание о правой вере" атрибутировать "этому же епископу Константину" [13]. Но нет худа без добра. И подобная атрибуция с очевидностью показывает, что кроме "Написания" иного исповедания веры, которое приписывалось бы Константину Философу или Константину епископу, не имеется. А это тем более подтверждает выдвинутый нами тезис: в "Оглавлении" отражен именно анализируемый памятник.

Впервые краткие фрагменты "Написания" были опубликованы в 1824 г. К.Ф.Калайдовичем [14], а в 1841 г. появился его анонимный перевод на русский язык [15], осуществленный по единственно известному тогда списку, правда, с купюрами. Этот перевод воспроизводился и позднее [16]. Первая публикация древнеславянского текста памятника относится к 1867 г. и принадлежит И.И.Срезневскому [17]. Несколько

---

[13] Шафарик П.И. Расцвет славянской письменности в Булгарии // ЧОИДР. 1848. Кн.7. С.51.

[14] Калайдович К.Ф. Иоанн, ексарх Болгарский. - С.89-90.

[15] Воскресное чтение. 1840-1841. № 45. С.407-412.

[16] Князев А.С. Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий, просветители славян, и влияние их подвигов на народное образование как всего славянского мира вообще, так и России в частности. - СПб., 1866. - Приложение. - С.I-VIII.

[17] Срезневский И.И. Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках // Записки Академии Наук. - СПб., 1867. Т.11, кн.I. Приложение 2. - С.47-52.

ранее, в 1844 г., "снимок из Кириллова Написания", по его собственному признанию, сообщенный ему Преосвященным Иннокентием, был любезно отправлен русским славистом П.И.Шафарику. Письмо И.И.Срезневского с описанием сборника попа Лаврентия и приложенной копией исповедания хранится в Пражском Национальном музее (I D.C.2 17). В последующем древнеславянский текст "Написания" переиздавался неоднократно [18].

В 1885 году Е.В.Барсовым был опубликован новый список "Написания" из сборника ХУI в. уже русской редакции, обнаруженного им в собственном рукописном собрании (ныне: ГИМ, Барс. № 1498) [19]. По составу оба сборника идентичны, но в отличие от прежнего в последнем отсутствуют некоторые заключительные статьи. Списки же памятника, среднеболгарский и русский, "обнаруживают такую поразительную близость, что невольно внушают мысль, что оба они восходят к общему оригиналу, хотя, быть может, и не к непосредственному" [20].

За прошедшие более чем полтора века со времени научного открытия "Написания о правой вере" к нему обращались многие исследователи. И в отношении атрибуции памятника, а соответственно и подлинности его, согласно несколько эйфорической констатации Г.А.Ильинского, "для ученых старой школы тут не было даже вопроса: громадное большинство их не находило никаких оснований не верить в авторство Кирилла" (Константина Философа), безоговорочно доверяя содержащему-

---

[18] Библиографию по вопросу см.: Куев К.М. Иван Александровият сборник от 1348 г. - С.141-142, прим.1.

[19] Барсов Е.В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. - С.I-II.

[20] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа // Сборник в чест на проф. Васил Н. Златарски. - София, 1925.- С.72.

ся в заглавии "совершенно ясному и категорическому свидетельству о принадлежности "Написания" перу великого апостола славян" [21]. Еще К.Ф.Калайдовичем было высказано предположение о тождественности "Написания", - по его выражению, "кажется неподложного", - тому исповеданию, которое "словесно и письменно" было представлено св.Константином-Кириллом и Мефодием в Риме папе Адриану II "в рассуждении согласия их с Римскою Церковью" [22]. В дальнейшем эта версия - лишь с незначительными вариациями - и получила преимущественное распространение среди славистов [23].

Однако вместе с тем, начиная уже с первой половины XIX века, то есть от самых истоков, высказывались и сомнения в аутентичности памятника и принадлежности его авторству Константина Философа [24]. Среди первых скептиков можно назвать Й.Добровского, который считал "Написание" сочинением позднейшего времени. П.И.Шафарик, как мы видели выше, атрибутировал исповедание веры Константину, епископу Преславскому. К его мнению присоединился В.А.Бильбасов [25] и некоторые другие ученые. Но по преимуществу эти негативные и позитивные предположения отнюдь не аргументировались и имели основание в одной лишь интуиции, во внутреннем чувстве. Что же касается аргументации

---

[21] Там же. - С.63.

[22] Калайдович К.Ф. Иоанн, ексарх Болгарский. - С.89, прим.9.

[23] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.63-65, 71-73 и др.

[24] Там же. - С.65-71, 73.

[25] Бильбасов В.А. Кирилл и Мефодий по документальным источникам. - СПб., 1868. - С.18-19, прим.2.

А.Д.Воронова [26], то, как было показано дальнейшими исследованиями, во многих своих элементах она оказалась легко уязвимой [27]. И потому общий вывод автора, который относил появление памятника к XII в. (к этому выводу присоединился и Е.Е.Голубинский [28]), не выдержал критики.

Однако А.Д.Воронову в отдельных случаях все же удалось увидеть действительные проблемные моменты в форме и содержании "Написания" соотносительно заданной в его заглавии атрибуции. В результате в последующие годы некоторыми исследователями уже признавалась необходимость "оставить мнение о непререкаемости его свидетельства", не отвергая при этом значения самого по себе этого памятника как выражения убежденности Восточной Церкви в чистоте и невреждённости православной традиции, сохраненной в учении св.Кирилла и с несомненностью воспринятой его чадами [29]. Возводя "Написание" "к первым векам славянской письменности" и обоснованно полагая, что "древность его не может подлежать ни малейшему сомнению", Е.В.Барсов, например, в 1885 г. писал: "Критика подлинности этого памятника, как произведения славянского первоучителя Кирилла, далеко не так основательна, чтобы можно было с нею бесспорно соглашаться... Но если бы даже

---

[26] Воронов А.Д. Кирилл и Мефодий: Главнейшие источники для истории св.Кирилла и Мефодия. - Киев, 1877. - С.250 и далее.

[27] Бернштейн С.Б. Константин-Философ и Мефодий: Начальные главы из истории славянской письменности. - М., 1984. - С.102.

[28] Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. - М., 1901. Изд. 2-е. Т.I. Кн.I. - С.904.

[29] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.70.

этот памятник и не был творением самого Кирилла, то, во всяком случае, он должен принадлежать кому-нибудь из ближайших его учеников, стремившихся утвердить православное вероучение его авторитетом, в эпоху борьбы с римским учением"[30].

В начале XX в., согласно не беспристрастному свидетельству Г.А.Ильинского, выступает "длинная фаланга" исследователей кирилло-мефодианского вопроса "с Ягичем во главе", которые, "не давая себе труда" опровергнуть позитивную аргументацию, "*tacito consensu*" вычеркивают "Написание" из числа творений великого апостола славян" и, более того, "вообще игнорируют существование этого памятника, как будто его фальсификация представляла доказанный факт". Их примеру следуют и некоторые историки болгарской литературы, в частности, М.Мурко, М.Вейнгарт и другие[31].

В 1925 г. в обзорной статье Г.А.Ильинского как бы подводился итог предшествовавшему столетию в истории проблемы. Автором была суммирована и приумножена критика, - собственно, за неимением иной, - вороновской негативной аргументации. И в результате он счел возможным сделать такое заключение: "Итак, ни история вопроса, ни внешняя критика текста, ни анализ его внутреннего содержания, ни его язык не вскрыли н и о д н о г о факта, который дал бы нам право оспаривать принадлежность "Написания" тому лицу, имя которого оно носит в заглавии. Напротив, - продолжал автор, - всё указывает на то, что мы имеем в нем п о д л и н н о е произведение славян-

---

[30] Барсов Е.В. Написание о правой вере Константина Философа, славянского первоучителя. - С.3.

[31] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.73.

ского первоучителя"[32]. Согласно Г.А.Ильинскому, это последнее представляет собой вероназидательное "прощальное слово учителя (или лучше сказать профессора) своим ученикам" в одной из церквей Белеграда перед тем, как в конце 868 г. братьям отправиться в Рим[33].

Позднее, в 1935 г., по-прежнему с критикой позиции А.Д.Воронова, а также высказанных незадолго до того крайних взглядов В.Грумеля, который атрибутировал "Написание" еретику XII в. митрополиту о.Корфу (Керкиры) греку Константину, выступил болгарский ученый Ю.Трифонов[34]. Вопреки, в частности, мнению В.Грумеля, что данное исповедание первоначально было составлено по-гречески и лишь в последующем переведено на среднеболгарский язык, когда и была, по всей вероятности, совершена неосознанная фальсификация (по сходству имен), автором выражена непреклонная убежденность именно в древнеболгарском происхождении памятника, поскольку, по его словам, в нем нет и следа греческого оригинала. Поэтому, заключает Ю.Трифонов, "Написание" является единственным дошедшим до нас оригинальным трудом Константина Философа, который изначально был изложен на древнеболгарском языке.

И до самого последнего времени позитивная аргументация Г.А.Ильинского и Ю.Трифонова большинством исследователей считалась вполне убедительной и неколебимой, окончательно решающей вопрос об автор-

---

32 Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.75-76.

33 Там же. - С.77.

34 Трифонов Ю. Съчинението на Константина Философа (св.Кирила) "Написание о правѣй вѣрѣ" // Списание на Българската Академия на наукитѣ. - София. 1935. Кн.52, клон историко-филологичен и философско-обществен, № 25. - С.1-85.

стве "в пользу Константина Философа"[35]. При этом, однако, или оставались не замеченными, или просто игнорировались тонкие наблюдения Н.К.Никольского, касающиеся смыслового содержания памятника и относящиеся еще к 1928 г. Ученому удалось выявить очевидные и безусловные внутренние противоречия в тексте "Написания". Их наличие буквально перед самым появлением его статьи, а также и в последующем, как мы видели, категорически отвергалось, ибо при известных условиях могло бы поставить под сомнение авторство такого лица, как Константин Философ, муж весьма высокой учености.

Н.К.Никольский, в частности, сопоставляет такие очевидно противоречивые выражения (нумерация строк по изданию памятника, осуществленному Г.А.Ильинским[36]): "... единствоу же сѫщьствомь кланѣѭ сѧ" (строки 33-34) и "едино бо бж҃тво видимь въ трехь сѫщьством единоуѫщесѧ" (строки 45-47); но: "Ни пакы въ едино сѫщьство слагаѭ или смѣшаѭ" (строки 88-90). Им приводится и следующий внутренне противоречивый фрагмент: "... еже есть раз҃лено сѫщьствомъ. общениемь естьственымь съвъкоуплѣѭ" (строки 97-99)[37].

Н.К.Никольский полагает, что оценка памятника, данная Г.А.Ильинским (с.74-75), "как "шедевра" богословской эрудиции и диалектики, достойного высокопросвещенного богослова", является "несколько преждевременной", и констатирует: "Догматическое содержание "Написания" формулировано в выражениях недостаточно ясных. Происходит

---

[35] Бернштейн С.Б. Константин-Философ и Мефодий. - С.102.

[36] Ильинский Г.А. "Написание о правой вере" Константина Философа. - С.79-89.

[37] Никольский Н.К. К вопросу о сочинениях, приписываемых Кириллу Философу // Известия по русскому языку и словесности. - Л., 1928. Т.I. Кн.2.- С.448-449.

ли эта неясность от подновления языка при переписке, или от других причин, - решить в настоящее время трудно. Но терминологическая несогласованность наблюдается ... Только после идеологического комментария к "Написанию" в связи с терминологией памятников кирилло-мефодиевской эпохи будет возможным окончательно разрешить вопрос о подлинности и неповрежденности текста "Исповедания" и получить исходную точку опоры для дальнейших выводов о нем и об отражениях идеологии этого ценного памятника на ряде других произведений славянорусской письменности"[38].

Как бы откликнувшись на приглашение Н.К.Никольского, более тридцати лет тому назад попытку углубленного лингвистического и семантического анализа текста "Написания", попытку, надо сказать, прямо-таки дерзновенную, предпринял чешский славист Войтех Ткадлчик. Первоначально (1960) его выводы были прокламированы Ф.Гривецом, притом, отметим, с остережениями[39], затем в 1969 г. появилось и обстоятельное собственное исследование ученого в сборнике "Константин-Кирилл из Фессалоник", приуроченном к 1100-летию блаженной кончины апостола славян[40].

В.Ткадлчик принимает аргументированные доводы своих предшественников Г.А.Ильинского, П.Лаврова и главным образом Ю.Трифонова относительно глубокой древности текста "Написания о правой вере". Выявленные исследователями языковые архаизмы позволяют отнести его

---

38 Там же. - С.448-449.

39 Grivec F. Konstantin und Method, Lehrer der Slawen. Wiesbaden, 1960. S. 227.

40 Tkadlcik V. Das Napisanije o pravej vere: seine ursprüngliche Fassung und sein Autor // Konstantin-Kyrill aus Thessalonike. Würzburg, 1969. S. 185-209.

самое позднее к X столетию. Ценность выдвинутых лингвистических оснований признана и рядом других ученых. Однако они не являются достаточными для утверждения авторства св.Кирилла. Собственно, и сам Ю.Трифонов склонялся к подобному заключению. При этом, напомним, он отвергал предположение о наличии греческого оригинала памятника. В.Ткадлчик же, напротив, защищает этот тезис и стремится обосновать его посредством выявления в текстовом материале таких неудобовразумительных в славянской версии фрагментов, структура и смысл которых становятся понятными лишь исходя из факта перевода с греческого и никак иначе. В результате, полагает автор, на основе славянского текста может быть вообще реконструирован греческий оригинал, который в свою очередь во многих случаях будет способствовать установлению адекватного смысла некоторых темных мест в славянском переложении, а иногда - также и преодолению трудностей богословского характера, которые могли возникнуть как следствие неверного или неточного перевода.

Выполнима ли эта грандиозная задача? В.Ткадлчик не сомневается, что она выполнима. И он предлагает ряд примеров, первые два из которых, как он полагает, вполне достаточны для доказательства того, что славянское "Написание" по своей сути является переводом, тогда как остальные (их более дюжины) могут служить лишь для преизбыточного подтверждения этого вывода. Что можно сказать относительно приведенных автором примеров? Когда знакомишься с ними априори, они поражают: чувствуется колоссальная работа утонченной мысли. Однако вряд ли возможно считать их столь доказательными (в том числе и первых два), чтобы безоговорочно принять окончательные выводы исследователя. Несколько более конкретно об этом будет сказано ниже.

Что же касается выводов В.Ткадлчика, то они таковы. По мнению чешского ученого, славянское "Написание" зависимо от греческого ори-

гинала и представляет собой слабый с языковой и богословской точек зрения перевод. В случае, если автором его был св.Константин-Кирилл Философ, то его авторство может быть принимаемо во внимание лишь в отношении греческого оригинального текста. Славянская версия не могла быть создана им, поскольку мы не можем инкриминировать апостолу славян ни незнание греческого языка, ни богословское неведение. На тех же основаниях должно быть исключено и авторство св. Мефодия. Представляется в высшей степени невероятным, чтобы авторами славянского текста "Написания" были ближайшие, непосредственные ученики святых самобратьев, такие, например, как св.Климент Охридский (мнение Станислава Коса) или Константин, епископ Преславский, поколику и от них мы могли бы ожидать нечто лучшее.

Однако, продолжает В.Ткадлчик, св.Кириллу не может быть атрибутировано авторство и в отношении греческого оригинального текста, в частности, на следующих основаниях. Во-первых, "Написание" не упоминается в Паннонском житии св.Константина, хотя этот лучший и наиболее обстоятельный источник касательно жизни и деятельности славянского первоучителя называет его творения, из некоторых

из них приводит обширные фрагменты, цитирует его слова и молитвы. Не упоминается "Написание" также и в Болгарской легенде. Наконец, и то обстоятельство, что памятник содержится лишь в двух относящихся к позднейшему времени рукописях, свидетельствует отнюдь не в пользу глубокой древности и высокого авторитета такого труда, который фактически приписывается св.Кириллу. И т.д. и т.п.

Сам В.Ткадлчик, исходя из всего вышесказанного, считает, что создателем греческого текста "Написания" был какой-то греческий монах или иерарх, который имел местонахождение в Болгарии где-то в X столетии. Он был приверженцем и почитателем св. патриарха Фотия и испытывал сильное влияние со стороны творений Никиты Византийского.

То, что он использовал мирское имя апостола славян, Константин, объясняется тем, что именно оно было известно в то время в широких общественных кругах, особенно в греческих пределах. В Болгарии же его вообще знали под двумя именами, как об этом свидетельствует Черноризец Храбр в сказании "О письменах". Создан мог быть греческий текст "Написания" в сравнительно позднее время по блаженной кончине св.Кирилла (уж, добавим, конечно!). Славянский перевод был выполнен тогда же каким-либо священником или епископом в Болгарии. Однако, заключает автор, можно с высочайшей степенью вероятности утверждать, что перевочиком не был никто из ближайших и непосредственных учеников св.Кирилла и Мефодия.

Чешский исследователь не только теоретизировал. Будучи с несомненностью убежден в своих выводах,он предпринял и практические шаги в направлении разыскания соответствующего греческого текста. Как любезно сообщил автору настоящих строк продекан (тогда!) Православного богословского факультета в Прешове профессор-протоиерей Павел Алеш, в свое время В.Ткадлчик отослал в Вену известному слависту проф. Ф.Марешу список греческих исповеданий веры, среди которых мог находиться протограф славянского "Написания". Однако ученики проф. Ф.Мареша, которые были привлечены к поискам, ничего подходящего не обрели.

Однако с е н с а ц и я (так расценил это сам Войтех Ткадлчик и вместе с ним протоиерей Павел Алеш) все-таки состоялась. 16 марта 1986 г. автору настоящих строк посчастливилось наконец-то открыть греческий подлинник, как теперь твердо установлено, переводного славянского "Написания о правой вере". Все началось с повторной публикации во второй книжке "Журнала Московской Патриархии" за 1982 год (ср.: ЖМП. 1969. № 6) весьма неисправного, по замечанию В.Ткадлчика, русского перевода "Написания". Здесь было столько не-

корректностей, что потребовалось обращение к источнику. Однако и источник содержал множество сюрпризов, некоторые из коих отмечены выше (Н.К.Никольский). Пришлось немного призадуматься. В результате текст памятника в некоторых наиболее выразительных моментах надолго запечатлелся в памяти. И во время оно, в процессе работы над святоотеческими творениями, вдруг стали встречаться до боли знакомые места. А затем пришло осенение. Так что, как видим, счастливая случайность, а приятно! Тем более, что и не без пользы.

Как оказалось, в основе славянской версии "Написания о правой вере" лежит фрагмент вероисповедного характера из "Большого Апологетика" (*Apologeticus Major*) св.Никифора I Исповедника, патриарха Константинопольского (ок. 758-828; память 2 июня по старому стилю).

Патриарх Никифор I, возведенный на константинопольскую кафедру в 806 г. из мирян (прежде он был государственным секретарем), занимал ее до 815 г., когда был удален с нее императором Львом Армянином (прозванным Хамелеоном) и заточен в монастырь за противление иконоборческой политике последнего. Здесь он и провел остаток своей жизни, не переставая свидетельствовать православную веру и выступать в защиту иконопочитания в целом ряде сочинений, в числе которых и находится упомянутый "Большой Апологетик", написанный им в ближайшие после заточения годы (818-820) [41]. Прославление патриарха Никифора как исповедника совершилось в 846 году.

Большой Апологетик, полное название которого в русском переводе таково: "Святого отца нашего Никифора, бывшего архиепископа Кон-

---

41 Alexander P.J. The Patriarch Nicephorus of Constantinople. Ecclisiastical Policy and Image Worship in the Byzantine Empire. Oxford, 1958. P. 264.

стантинопольского, слово в защиту непорочной, чистой и истинной нашей христианской веры и против думающих, что мы поклоняемся идолам"[42], входит во все известные рукописи сочинений первосвятителя. Опубликован в 100-м томе греческой серии "Патрологии" аббата Миня (*Migne. PG. T. 100. Col. 533-832*). Из приблизительно 150 колонок греческого текста пять приходится на указанный выше фрагмент вероисповедного характера (*col. 580 C - 589 D*), что составляет примерно 300 строк. Поскольку вероизложение имеет конкретную направленность (защита иконопочитания), оно ограничено лишь тринитарной, христологической и иконологической частями и не содержит остальных частей соответственно членам Символа веры, как это бывает в обычных случаях (ср., например, вероисповедание, содержащееся в известительном послании патриарха Никифора, адресованном папе Римскому Льву III[43], или ставленническое исповедание веры митрополита Киевского Илариона[44]). Структурно славянское "Написание" в своей основной части буквально воспроизводит оригинал. Добавлено лишь несколько адаптирующих строк: начальные, включая заглавие (1-8), с упоминанием имени св.Константина Философа (дважды), и заключительные (357-374), с упоминанием присного брата его и споспешника св.Мефодия. При этом, отметим, одна из фраз в составе конечного адаптирующего фрагмента: "и чьстныѯ ихь памѧти творѧще" (строки 361-362) - имеет соответствие в греческом тексте. Кроме того пос-

---

[42] Творения святых отцов в русском переводе. - Сергиев Посад, 1904. Т.65. - С.138.

[43] Там же. - С.111-121.

[44] ГИМ, син. № 591. Л.199 б - 203 а.

редством сингуляризации соответствующих глагольных форм славянскому исповеданию придан характер личного. Само его название "Написание о правой вере", по всей вероятности, выбрано не случайно: в "Изборнике великого князя Святослава" 1073 г. (л.20 в) "Написание о правой вере" Михаила Синкела Иерусалимского (первая половина IX в.). Славянское "написание" в данном случае является эквивалентом греческого λίβελλος [45].

Что касается перевода с греческого на древнеславянский, то в принципе он является дословным. Не затрагивая текстологических проблем самого подлинника и в настоящей статье основываясь лишь на публикации аббата Миня, можно отметить, что в переводе в редких случаях наблюдается опущение отдельных слов (обычно - подобных членов), союзов и частиц, как правило, не ведущее к искажению смысла. Иногда встречаются пропуски фразовых фрагментов, что может быть и дефектом переписки. В качестве примера можно указать строки 84-86 древнеславянского текста. Но самым интересным является то, что в переводе добавлены отдельные слова и некоторые фразы, несущие определенную смыслову нагрузку. В частности, здесь подчеркивается аспект исхождения Святого Духа от Бога Отца "единого" (строка 18; см. также строки 28-29). Именно подобные формулировки вызвали бурю споров вокруг памятника (А.Д.Воронов и его оппоненты). По всей вероятности, эти включения, будучи своеобразными аллюзиями, могут сослужить полезную службу при определении времени возникновения перевода.

В иконологической части "Написания", там, где говорится о том, что через поклонение иконам честь возносится к первообразу, по сравнению с оригиналом прибавлены слова: "егоже тѣло есть написано"

---

45 Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. Т.I. Кн.I. - С.910, 655.

(строки 347-348). В данном случае передается мысль ороса УП Вселенского (П Никейского) Собора 787 г., официально утвердившего иконопочитание (на этом Соборе в качестве секретаря при представителях императора присутствовал и будущий патриарх Никифор): "... честь, воздаваемая образу (иконе), восходит к первообразу, и поклоняющийся иконе поклоняется ипостаси изображенного на ней"[46]. "Тѣло" здесь, как и в ряде других мест (строки 185, 188, 193), выступает в качестве славянского эквивалента именно греч. "ὑπόστασις" ("ипостась"). Однако это последнее в иных случаях передается или как "ипостась" (строка 21), или как "съличие" (строка 47), или же как "сѫщьство" (строки 78, 89, 98, 115-116). Но слав. "сѫщьство" во многих местах выступает в качестве эквивалента греч. "οὐσία" (строки 16, 34, 82, 85, 92, 315 и др.). Отсюда и те коллизии, которые были отмечены Н.К.Никольским (и позднее - В.Ткадлчиком): очевидная "терминологическая несогласованность" приводит к очевидным внутренним противоречиям.

Отметим и такой интересный случай, когда славянский текст помогает восстановить утрату в греческом в публикации Миня. Так, в "Написании" мы имеем: "б҃а д҃ха ст҃го величаѫ. имже всѣ съхранѣѫтсѧ и съдръжѫть" (строки 66-68). В греческом же тексте - очевидная гаплография, пропуск слов, стоящих между двумя одинаковыми членами τά: ἐν ᾧ τὰ τρία σέβοντες (581 С). По всей вероятности, здесь должно было бы быть следующее: τὰ πάντα ... τὰ τρία σέβοντες (ср. 184 А).

После небольшого сопоставительного экскурса по источникам - несколько слов в отношении аргументации В.Ткадлчика в пользу тезиса

---

46 Болотов В.В. Лекции по истории Древней Церкви. - Пгр., 1918. IУ. - С.562. Прим. I (греч. текст).

о переводном характере "Написания", теперь уже апостериори, зная ответ. В настоящее время она, разумеется, имеет лишь историческое значение. Но была ли она в ретроспективе достаточной для обоснования защищавшегося автором тезиса? По всей вероятности, не вполне. Покажем это посредством анализа первого примера, приведенного им. Здесь чешский славист отмечает очевидную несогласованность в роде между взаимосвязанными элементами в одном из фрагментов памятника (строки 47-50), который мы приведем в русском переводе: "Три же Лица (созерцаем) во едином Божестве, разделяя нераздельно, по различию присущих к а ж д о й свойств". Он полагает, что слова "каждой" и "свойств" взаимосвязаны и рассогласование их является следствием того, что при переводе первое сохранило род оригинала, тогда как второе изменило его по сравнению с греческим эквивалентом. В действительности же слово "каждой" соотносится со словом "Лица", греческий эквивалент которого "Ипостаси" - женского рода. Безусловно, несогласованность в роде по причине неточного перевода наблюдается, однако совсем не там, где ее видит В.Ткадлчик. Фрагмент обретает корректность, если мы заменим в нем "Лица" на кальку "Ипостаси": "Три же Ипостаси ...".

Во втором же примере рассуждения автора весьма остроумны и глубокомысленны. Однако они вряд ли могут доказательно служить его целям, поскольку действительная ошибка в славянском тексте более элементарна, чем это можно было предположить доброжелательному исследователю, она "неправильна" и потому непредсказуема. К сожалению, то же самое в той или иной степени относится и к другим построениям автора, в основном базирующимся на некорректностях в славянском тексте, в общем-то имеющих довольно-таки нейтральный характер. И лишь конгениальное авторскому остроумие может увидеть здесь влияние предшествовавшего греческого оригинала. Но это отнюдь не

снижает ценности его разысканий. И само по себе исполненное глубокого смысла исследование В.Ткадлчика станет, полагаем, в источниковедении хрестоматийным.